

ЛЕОНИДА
ПОДВОЙСКАЯ

АЛЕНА

ПРЕДТЕЧИ ЗВЕРЯ

Леонида Подвойская

Алена

Серия «Предтечи Зверя», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21231197
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;
ISBN 978-1-387-68036-8*

Аннотация

Если фее обломать крылья – она станет ведьмой. Даже если она была доброй феей. Так ломают крылья Алёне – девушке из глубинки, а ее паранормальные способности пытаются использовать в своих целях негодяи разных калибров и континентов. Но критическая масса жестокости и подлости порождает еще одну способность девушки – убивать. И Алёна обращается в Немезиду – грозную и беспощадную богиню возмездия. В абсолютное оружие. Но управляемое ли? И навсегда ли? События второй книги цикла «Предтечи Зверя» происходят всё в том же мире, по утверждению автора, очень похожем на наш. Роман написан в характерном для автора смешении нескольких стилей, и читается на одном дыхании любителями фантастики, фэнтези, экшн, детектива и даже любовного романа.

Содержание

От автора	4
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Леонида Подвойская

Алёна

От автора

Уважаемый читатель!

Вторая книга цикла «Предтечи Зверя» как продолжение «Максима» писалась «в стол». Она не должна была дойти до вас. И не дошла бы, если бы не странные стечения обстоятельств и настоятельная просьба друзей Максима. В принципе вся эта книга – их призыв о помощи.

А началось все через некоторое время после издания «Максима». В тот летний день я отдыхала на даче у друзей. Те укатили в круиз по Европе, оставив свое хозяйство на меня. И вот я, загнушив, наконец, газонокосилку, блаженствовала на качелях с подаренной Ивановым-Смоленским книжкой на коленях. Но все хорошее заканчивается быстро – визг тормозов, а затем громкий стук в калитку выхватили меня из мира фантастики. Чертыхнувшись, я пошла открывать нежданному гостю. С этого все и началось. За калиткой стояла, нетерпеливо стуча, Елена Петровна, та самая тележурналистка, выведенная в первом романе как Синичка.

– Ну чего уставилась? Открывай. Да не калитку,

ворота открывай! – потребовала она.

Затем журналистка поставила впритык к моему «сценику» свою «аудюху».

– Вот теперь давай знакомиться. Заочно-то мы знакомы. Ославила. «Синичка»! Надо же было додуматься!

– Но я сразу написала, что все персонажи...

– Конечно, конечно. «Вымышлены, а совпадения – случайны». Ладно. Проехали. Не для этого сюда примчалась. Максим пропал.

– Но я, честное слово...

– Перестань, сейчас не до шуток. Думаю, он в опасности.

– Насколько я знаю Максима, для него «больших опасностей» не существует.

– Знаешь, все знаешь. И в конце книги намекнула... Ну?

– Это про... Тьму?

– Безусловно. И хотя «нэ так всё було», как заявил тебе какой-то безымянный дядька в предисловии, во многом твои догадки близки к истине. И если уже вляпалась в наши дела, то... Вот, принимай.

Синичка открыла заднюю дверь своего авто и вытащила за руку неподвижно сидевшую в салоне девушку.

– Может, она знает подсказку. Твоя задача – заставить вспомнить.

Я присмотрелась к молчаливой гостье. Девушка как девушка. Стройняшка, симпатичная, хотя все

девушки в юности симпатяшки. Пухленькая верхняя губка создает видимость постоянной улыбки, и хочется улыбнуться в ответ. А вот глаза – нежно-васильковые, но какие-то застывшие сейчас. И вообще лицо – застывшее. Простенькие джинсики и кроссовки. Маечка-безрукавка. Но это зря, потому что на правом запястье – ужасный шрам от ожога, словно кто-то засунул эту ручку в раскаленную спираль. И еще – большая прядь седых волос в русой челке.

– Под Седую? Ну это уж слишком круто.

– Она Седая и есть.

– Да что вы! – изумилась я. Дело в том, что я тоже читаю «Комсомолку» и, хотя многое принимаю настороженно, журналистское расследование причин гибели бандитских авторитетов в «Октябрьской» и одновременной (в смысле за одну ночь) смерти нескольких маньяков, грабителей и хулиганья меня задело за живое. Да и не только меня – помните, как пошла у девчат мода выбеливать прядку волос под Седую – так и не найденного ангела-мстителя. – И вот эта птаха – та самая Седая? И она как-то связана с Максимом?

– И не сомневайся. Просто сейчас она в глубоком ступоре. И память у нее вроде как отшибло. Твоя задача – разговорить, – усаживала журналистка девушку в качели. – Чего-нибудь приготовить типа картошки в мундирах... Дай ей почитать свою книгу. В баньке попарь. Неплохо, кстати, живешь для начинающего писателя.

– Это друзей...

– Мне это неинтересно. Ищи способы воздействия, инженер человеческих душ! Все. Бывай. Некогда. Надо проверить и другие версии. Делай, что хочешь, но чтобы через неделю эта подружка все рассказала.

– А ведь вы ее... недолюбливаете.

– Если она что-то сотворила с Максимом...

– Она? С Максимом? – с опаской покосилась я на безучастную девушку.

– Скорее всего, да. Но ты не бойся – у нее, видимо, все могущество на Максима ушло. Хотя, кто знает... Бывай. Скоро загляну.

– Кстати, а как вы меня нашли?

– Недооцениваешь ты нашего брата-журналиста. Я вот эту... считай, из-под земли достала, а тебя вычислить – вообще не проблема.

Мне удалось разговорить девушку и пробудить ее память. Как – отдельная история. Она прочитала «Максима» и ответила вначале мне, а затем – приехавшей Синичке на все вопросы. Но подсказки о дальнейшей судьбе Максима мы так и не нашли. И с разрешения Синички, забравшей через неделю Алёну, я решила опубликовать эту книгу. Все совпадения фамилий, имен, должностей – всего лишь совпадения. Может, кто более проницательный найдет направление дальнейшего поиска?

Глава 1

– Я же тебе сказал. Русским языком сказал, да? Я же тебе поручил! И что слышу? – удивленная морда с вытаращенными глазами подалась через стол вперед, словно прислушиваясь. – А я слышу... Да ничего я не слышу!

Рявкнув и грязно выругавшись, босс огромной ручищей хватанул компьютерное кресло и запустил в собеседника.

– Вот так! – вновь перешел он на вкрадчивый тон, но уже обращаясь ко второму, стоящему навытяжку собеседнику.

Первый лежал на полу, то ли оглушенный, то ли притворившийся таковым.

– Может, и ты мне скажешь, что хана, пора о вечном думать? Ну так я вас всех вперед себя пущу! Ну!

– Есть, шеф, один... чудотворец, – начал второй.

– Уже теплее, – откинулся назад шеф, рассматривая подчиненного. Битый. Крутой, а здесь – навытяжку. Да-а, скольких я сломал в этом кабинете... Да и не только в этом. И эта... зараза меня не возьмет!

– Смелее. Садись. И усади этого недоноска.

Битый поднял и кинул в кресло напротив стола «недоноска» – очень похожего на самого шефа мужика, только поменьше и не так грубо сколоченного. Сейчас было видно, что он не притворялся: в области левого виска разливался здоровенный синяк.

– Живой он хоть? – поинтересовался шеф и на утвердительный кивок Битого нажал кнопку на пульте.

– Откачать – и опять ко мне сюда, – бросил он двум появившимся охранникам. – А ты давай, про этого святого.

– Он... шеф... не совсем святой. Он чудотворец, шеф, – испуганно поправил его Битый.

– Какая разница! К делу давай!

– Да, конечно. И эти чудеса, за которые его так называли, именно эти самые... исцеления и есть.

– И такие вот хвори?

– Говорят, и такие.

– И в такой стадии?

– Говорят, и в такой.

– Говорят, говорят... – опять начал яриться шеф. – Ты что мне лапшу... Я тебе за что плачу? Разговорчики слушать? Базарчики? – он потянулся своей лапищей через стол, норовя сгрести Битого за ворот рубахи.

– Но шеф! – вскочил и отпрыгнул в сторону Битый.

Это была неслыханная наглость – уворачиваться от шефа. И от предметов, запускаемых шефом, – тоже.

– Да ты что? – взревел тот, вставая. Стало видно, насколько велик его рост. Говорят, раньше, то есть намного раньше, он даже занимался баскетболом. – Ты... Ты... – остановился, не находя слов, хозяин кабинета.

– Ради тебя, шеф! – жался в дальнем углу подчиненный. – Убьешь – не узнаешь. Не просто говорят! Говорят те, кого

он излечил!

– Это другое дело, – плюхнулся назад в кресло шеф. – Ладно... живи. Коротко. Ясно. Быстро. Ну?

– Опросили троих. На серьезе. Не туфта. Сейчас здоровы. А по историям болезней – были... ну, в общем, уже.

– Кто с историями?

– Сам смотрел.

– Знаток, твою!

– Вот фотокопии. Тоже сам сделал.

– Ладно. Вижу, подсуетился. Ну? В чем фишка? Почему он еще не здесь? Почему я его не вижу? И он меня? – вновь вкрадчиво поинтересовался шеф.

– Есть, есть фишка, – затараторил Битый. – Типа только там какая-то целебная вода есть...

– Так набери цистерну и сюда, с этим...

– Она в течение четверти часа действует. А надо несколько сеансов.

– Да, даже на ракете... И что еще?

– Ну... не всех он лечит.

– Это не про меня.

– Помните Жанночку? Отказал. Этому... силовику... не к ночи будет помянут, тоже отказал.

– Ему то за что?

– Не знаю. Он же не рассказал. Как бы не успел.

– Если он мне попробует отказать, если только заикнется, то уже сам не успеет объяснить, почему. Едем!

– Шеф, это... э-э-э... за Уралом!

– Тогда летим! Немедленно! С собой группу. Побазарим, если пойдет в отказ. А ты, – обратился он к вошедшей жертве кресла, – молись, чтобы я вернулся в хорошем настроении. Пока остаешься за Битого...

– Вот так, вот так и вот так. А теперь беги. Ну не бойся, уже не больно! – девушка отпустила белку и та рыжей струйкой брызнула по стволу дерева. А целительница, проводив ее рассеянным взглядом, перевела свои васильковые глаза на небо, на высокие облака, а затем откинулась на мягкую траву и, улыбаясь, задремала. Но очень скоро она резко вскочила на ноги и опять долгим взглядом уставилась в небо, – туда, где, озабоченно гудя, нарезал инверсионный след самолет. Что-то напоминал этот гул, чем-то тревожил. Но что? Но чем? Она не смогла вспомнить и тихонько заплакала. Гулявший на полянке ветерок, казалось, сочувствовал ей и ласково поглаживал челочку со странной седой прядкой.

– Почему? Почему? Почему? Почему? – повторяла она без остановки.

Выбившись из сил, девушка вновь легла на траву и теперь уже спокойно стала рассматривать теряющий резкость след самолета. Солнце начало цепляться за верхушки деревьев, и на поляну выползли тени, когда она всхлипнув, поднялась, взяла корзинку с какими-то травами и пошла по едва приметной тропинке. Через хороших полчаса тропинка превра-

тилась в довольно утоптанную дорожку, и незнакомка наде-
ла на свою русую голову серый капюшон монашеской рясы.
Она прибавила шаг — надо было торопиться.

Из скита отшельника раздавался неразборчивый разгово-
р. Сегодня с утра к нему приехал какой-то важный монах.
И не только он. Вон там, у пещеры, уже толкуются какие-то
люди. Много их стало в последнее время. А ведь зимой было
так тихо и спокойно! Зимой? Девушка остановилась, пыта-
ясь поймать мелькнувшую мысль. Зима. Не здесь зима. Ка-
кие-то санки, горка, лошадь выдыхает пар... Горячая печь...
Киса Анфиса... При этом воспоминании она улыбнулась и
пошла дальше — в свою маленькую пещерку. Откинула капю-
шон, развесила сушиться травы, села на койку. Опять задум-
малась, наморщив светлый юный лобик. Скоро взойдет луна.
И опять придут люди. И они с отцом Георгием снова будут
лечить их. Почему они все время болеют?

В это время отшельник Георгий, закончив беседу, пред-
ложил гостю пойти с ним. Проходя мимо девичьей обители,
он ласково позвал:

— Дитя мое, пора.

Девушка, вздохнув, оторвалась от своих обрывочных
мыслей и, вновь накинув капюшон, закуталась в темный
плащ и вышла.

У пещеры их уже ждали. Человек пятнадцать с детьми на
руках, с подростками, со скрюченными или искалеченными
родственниками.

– Сегодня вы, вы, вы... и вы. Как договаривались, – обратился к ним отшельник.

– А... святой отец, а мы?

– Ночь коротка, а случаи тяжелые. Долгой молитвы требуют.

– Но мы приехали аж...

– Все здесь не местные. Вот они, – кивнул Георгий на отобранных, – уже ждут неделю, подождете и вы.

– Но вы не отказываете?

– Я никому не отказываю. Езжайте, устраивайтесь и молитесь, чтобы вам не отказал Господь в милости своей.

– Святой отец, но мой ребенок... Я боюсь, что...

– Оставайтесь. И заходите уже. Прямо сейчас. Остальные можете подождать вон на той полянке. Там и скамьи, и костер скоро разведут. А лучше – вон, в часовенке молитесь.

– Дитя мое, сегодня с нами побудет отец Арсений. Он приехал издалека подивиться чудесам, которые Господь являет в этой пещере, – сказал отец Георгий, обращаясь уже к девушке.

Фигура в капюшоне молча поклонилась.

– Теперь пора. Что у него, сестра моя? – обратился отшельник к матери ребенка лет восьми, лежащего на сколоченной деревянной кровати.

– Врачи говорят... врачи говорят... – разрыдалась мать, из суеверного страха не решаясь назвать болезнь ее именем.

– Хорошо, сестра моя. Не надо. Становись вот здесь на

колени и молись! Умеешь хоть?

– Выучила. Специально выучила.

– Это похвально. Только молись с душой и Бог услышит.

Отшельник подошел к кровати, наклонился к ребенку. Подозвав закутанную в плащ девушку, покропил ребенка водой из какого-то странного сосуда, затем воздел над ним руки, а ассистентка прикоснулась своими ладошками к широким кистям отшельника. Вскоре над ребенком появилось сияние, лучи которого исходили от рук целителя. Закрыв глаза, он молился. Видимо, молилась и закутанная фигура – был слышен тоненький шепот. Сияние разгоралось все ярче, молитвы становились все истовее. Мать больного ребенка прервала молитву и со страхом посмотрела на эту странную пару. И в этот же момент ассистентка начала медленно оседать. Погасли и удивительные лучи.

– Ты зря прервала молитву, – сурово обратился отшельник к все еще стоявшей на коленях женщине. – Но Господь милостив. Твоему сыну теперь ничего не грозит, завтра он будет совершенно здоровеньким. Бога благодари, не меня! – оторвал он руку от губ разрыдавшейся женщины. – Иди с миром! А следующий пусть заходит через четверть часа.

Когда женщина унесла ребенка, брат Георгий отвел полубесчувственную девушку к стене пещеры, уложил на низенькую кроватку и завозился с чем-то в темноте. Затем скрипнули петли, и откуда-то сверху полился лунный свет.

– Ну вот, видел? – обратился отшельник к отцу Арсению.

Но тот молчал, разглядывая открывшееся личико.

– Совсем молодая, – закончил он свои наблюдения. – И ты уверен, что этот ребенок...

– Да, она его исцелит. Можно было бы и сегодня. Она сейчас придет в себя. Но... не будет... той... торжественности.

И действительно, очень скоро целительница пришла в себя. Арсений увидел вдруг, как холодным голубым льдом блеснули ее глаза, и почему-то вздрогнул. Но лед сразу растаял. А может, он вообще почудился священнику.

– Ой, вы извините, что я... Но у меня всегда так, когда им больно. И когда надо все делать быстро. Но я сейчас, я уже... – она, все еще пошатываясь, села и повернула к лунному свету лицо с широко раскрытыми глазами.

А затем... Затем все повторилось. И еще раз. И еще. И еще. Когда же в пещеру начала пробиваться предрассветная прохлада, Георгий и его ассистентка уже закончили удивительное исцеление ожогов обварившейся кипятком женщины.

– Иди и молись Господу нашему! – устало напутствовал чудотворец последнюю на сегодня исцеленную.

– Все на сегодня, братья и сестры! – зашел в часовню отшельник. – С остальными, как условились и как Бог даст.

Исцеленные не спешили ночью пробираться через лес – были тут же, молились. И дожидавшиеся своего часа больные, видевшие их преображение, встретили слова Григория почтительным молчанием.

После ухода паломников, отшельник отнес спящую девушку в ее обитель, затем вместе с отцом Арсением пристроился на длинной скамейке у догорающего костра.

– Ты все видел, – начал он.

– Да, все видел и понял, – жестко ответил священник. – Эти фокусы с рукавами...

– Я ничего перед тобой и не собирался скрывать. Конечно, это она, бедное дитя. И эта сила, и это сияние, и эти исцеления – все от нее.

– Тогда зачем же?!!

– Во славу Господа нашего и Церкви нашей. Ибо чудеса сии узрев, укрепятся их видевшие в вере...

– Не надо, брат. Ты скажи лучше, откуда она такая и не дьявольское ли это искушение?

– Откуда – не знаю. Зимой это было. Если помнишь, лютые морозы стояли в январе. А у меня, как на грех, зуб прихватило. Стою здесь, молитву отправляю. Не отпускает. Вдруг чувствую – коснулся меня кто-то. Смотрю – дева молодая, обнаженная. Да что там – голая совсем. Хотел было вскочить, искушение крестным знаменiem отогнать. Только чувствую – боли зубной уж и нет. А она так по-доброму: «Все-все-все, уже не болит и болеть не будет». Ну, встал я, накинул на нее от искушения дьявольского одежду кое-какую.

– Кто такова, – говорю, – откуда и куда путь держишь?

– Не знаю, – говорит. – Не помню.

Отвел я ее к себе в пещеру. Поесть дал. Чуть поклевала.

Потом прямо за столом и уснула. Уложил ее на свою кровать, сам в часовне ночь в молитве коротал. Потом как-то попробовал языком дупло в зубе – а его то нет! Задумался я крепко, потом решил проверить, она это или святость места, или икона чудотворная появилась. Не знаю, ведомо тебе или нет, чем я, грешный, в миру занимался? Но остался у меня плохо сросшийся перелом. И охромел я, и на холод боль приходила мучительная.

– Да, знаю, но теперь ты не хромаешь.

– Она, птаха Божья. За одну ночь. Она всегда ночью. Сначала руки начинают светиться, потом, когда очень трудно, вся светится. Когда силенки кончаются, идет к лунному свету. Наберется от него сил – и опять.

– Ох, чую, не от Бога это, – вздохнул Арсений. – И свет этот лунный...

– Она и от солнечного, – поторопился развеять его сомнения отшельник. – Встанет и смотрит открытыми глазами, не отрываясь. Посты держит. Даже Великий. Ну вот, – продолжил он свой рассказ. – Потом богомолка пришла. Откуда-то издали. Вымаливала здоровья своему сыну. У того – падучая страшная. При мне и забился. Я к нему. И она к нему. В общем, изгнала из него всех бесов. Или усмирила – не знаю... Но так, аккуратно, по-доброму, без всех этих...

– Брат Георгий, не увлекайся. Излечила эпилептика – да и весь сказ.

– Если «весь сказ», отец Арсений, – обиделся отшель-

ник, – то излечила она с того времени не меньше сотни и больных, и искалеченных. И среди них – знаешь кого?

– Знаю. Ты мне прямо скажи, – весь этот балаган непотребный для чего развел? Зачем себе чудеса исцеления при-
своил?

– Она исцеляет тела, я – души. После чудес, здесь явленных, паства укрепляется в вере.

– Некрепка вера, если ее чудесами укреплять надобно. Но не об этом. Деньги почто собираешь?

– Деньги? Я? Деньги?

– Потому и прислан. На станции большой стеклянный ящик стоит. Пожертвования на постройку здесь храма Господня собирают. И такой разговор идет – тебе здесь платить – грех. А вот обязан каждый, к тебе попасть желающий, по приезду пожертвовать и после исцеления деньги немалые туда – в ящик. А коль скоро никакого храма не строится...

– Это... это... – вскочил, побледнев, отшельник.

– Не ты, значит?

– Снимите постриг! Вернусь в мир, всех поубиваю. Лично! Мой грех будет, но с такой хулой жить!

– Гордыня еще сильна в тебе! Ох и сильна! И вижу, лукавишь ты несколько. Нравится тебе поклонение.

– Богу же поклоняются. Я...

– Все. Твои пояснения принял и удовлетворен. Помыслы твои чисты. А с этими... жертвованиями власти мирские разберутся. Сегодня же сообщу о мошенниках. А знаешь,

брат мой, храм здесь был бы очень и очень кстати... Но кто она? Не дознавался? Может, приметы какие?

– Не местная, точно. И видно – не помнит, кто она. А из примет...

– Говори.

– Браслетик у нее странный. Змейка такая золотая вокруг руки.

– Не знаю... Знак, вроде, не бесовский. Но доложу... Что же, пора мне и в обратный путь, брат мой. Только... – замылся инспектор. – Только... ты говорил, она и днем может?..

– Что у тебя, отец Арсений? – понял Георгий.

– Радикулит. Кельи в юности – радикулит в старости.

– Пойдем, попросим.

– Но удобно ли? Приехал проверить и воспользовался?

– Ну что же такого неудобного? Проверил, правду ли говорю. Особенно о том, что не только в ночное время она свои способности являет.

Проверкой Арсений остался доволен.

– А об этом доложу, – уже возле машины прощался он с пошедшим провожать его до опушки отшельником. Проезд к самой пещере отшельника был категорически воспрещен.

– А ты знаешь, – осененный новой мыслью Арсений даже выбрался из такси. – Ведь наш горлом мается. Последнее время даже службы... с трудом.

– Буду несказанно рад, если соизволит сюда... – начал Георгий.

– Н-е-ет, не о том. Ее надо туда, к нам. Может, с тобой. Новую чудотворницу еще надо... раскручивать, как говорят в мире, а ты уже известен. Ну, с Богом.

– Бедная, бедная птаха, – думал, возвращаясь, отшельник. – Если тебя в центр... Они думают, что все так просто. Я тоже хорош. Не сказал, что больно ей каждый раз. А там – толпы. Миллионы страждущих. Что же с тобой будет-то? И им уже не расскажешь, что вода целебная свою силу быстро теряет. Но что же придумать-то?

Глава 2

Размышления прервали два здоровенных «хаммера», с ревом продирающиеся по лесной дорожке. Поравнявшись с отшельником, первый остановился.

– Он? – спросил огромный, под стать автомобилю, мужчина кого-то в салоне. Получив положительный ответ, кивнул на открывшуюся заднюю дверцу. – Садись, святой отец, быстрее приедем.

– Здесь ездить запрещено, – хмуро возразил отшельник.

– Кем? – поинтересовался великан. – Если не Господом Богом, то садись и поехали.

– Нельзя на автомобиле к скиту. Какая с него потом святость?

– Садись, садись. Помогите святому отцу.

Два угрюмых качка «помогли» усадить Георгия между собой на заднее сиденье.

– Ты, святой отец, не обижайся. На меня вообще обижаться не следует. А в этом конкретном случае согласишься, когда узнаешь срочность моей проблемы. О! Уже и приехали! А так бы тянулся и тянулся. Ладно, приглашай в свой скит. Потолкуем.

– В скит нельзя. Вот это как раз Богом и запрещено.

– Прямо вот так сам взял и запретил? Ну лады. Где тут у тебя потолковать с глазу на глаз можно? Там? Ну лады. Би-

тый! Ждать вон там! А кое-кому и помолиться не помешает!

Великан, брезгливо поморщившись, сел-таки на пенек напротив также устроившегося отшельника.

– Долго базарить не буду. У меня онкология. С третьей на четвертую. Это у меня-то! – гигант сжал огромные, с пудовые гири, кулаки. – Ну ладно. Предлагают эту долбанную химию. Дерьмо! Простите, святой отец. Выехал к этим светилам американским. Бабок убухал немеряно. И что? Они мне дают десять процентов. Хороши ставки – один к десяти! А тут, говорят, вы одного моего, скажем... коллегу на ноги поставили.

– Это кого же? – все также хмуро уточнил Георгий.

– Ну, Алекса Борзого.

– В рванину оделся. «Шестеро детей. Вдовец. Сиротками останутся». Уже потом я дознался, кого он кормилец и какие от него сиротки остаются.

– Да, по всяким прикидам он мастер. Но я попроще. Ты говоришь, сколько я отстегиваю, и делаем дело. Так сколько?

– Чудеса за деньги не купишь.

– Понимаю. Поэтому и спрашиваю, сколько? Ты бесребреник, это и козе понятно. Сколько? Вон, на храм жертвуют. Хочешь, такой, как Христа Спасителя, отгрохаем? Ну, может, чуть поменьше. Совсем чуть-чуть. А если поднапрячься...

– С ваших денег только храмы Спаса на Крови строить.

– Отец, нет времени на препирательства. Мне сейчас каж-

дая минута дорога. Говори, сколько, и приступим. А потом, пожалуйста, побазарим о спасении душ и все такое прочее.

– Нет.

– Ну не хочешь базарить, так и тоже верно. Сколько? У меня с собой. На аванс хватит. А если нет, вон, – он указал на одного из своих попутчиков, – через местного авторитета братву напряжем, сколько надо притарабанят. Да и вообще...

– Это он на храм собирает? Жулик. Ничего святого.

– Отец, я не для разборок приехал. Хочешь, потом их накажем? Но потом. А сейчас...

– Нет.

– Та-а-а-к, – подался вперед навязчивый проситель. – А чего же ты хочешь, святой отец? – вкрадчиво спросил он. – Вот этого? – он одним ударом кулака отбросил отшельника далеко в сторону.

– Мученической смерти хочешь? – склонился он над выплевывавшим зубы Георгием. – Ты ее получишь. Станешь не чудотворцем, а святым. Так что ли? Но вначале ты вылечишь меня, урод. Битый, иди сюда! Чудотворца – в его этот... схрон?

– Скит.

– Давай. Братву туда же, пусть готовятся. Егор, ты со своими местными – никого не пускать. С понтом, как бы лечит кого-то из важняков. Кстати, должок за тобой. Этого святого отца ты окрысил. Храмовые деньги заныкал? Отработаешь.

Пока шеф-великан делал выволочку предводителю местной братвы, его заплечных дел мастера заволокли отшельника в пещеру, раздели, сноровисто связали и кинули на кровать, где ранее происходили светлые чудеса исцеления.

Девушка была на своей поляне, когда услышала страшный крик. Расстояние поглотило громкость, и крик был страшным по своей сути – клокотали в нем боль, стыд и ярость. Оторвавшись от созерцания очередного инверсионного следа, смутно что-то напоминавшего, она вскочила и прислушалась. Крик повторился и перешел в рыдание – не менее страшное мужское рыдание. Зажав от ужаса уши, загадочная ассистентка кинулась в сторону скита – именно оттуда раздавались эти крики. И она уже знала, кому они принадлежат. Девушка промчалась через лесную чащу и выбежала на дорожку. На ней, сложив руки на груди, стоял низенький, но крепко сбитый человек, с выбритым черепом, в очках, в узких джинсах, синей майке и с цепью на шее. В общем бык. Пытаясь обогнуть его, целительница приняла в сторону. Но и он сделал шаг в том же направлении.

– Куда бежим, сестрица? – поинтересовался бритый.

– Там... там... – запыхавшись, показала девушка в сторону скита.

– Там сегодня отшельник бесов изгоняет.

– Нет! Там что-то другое, там что-то ужасное с ним самим, – кинулась было она дальше. Но бритый грубо хватанул девушку за плечо и развернул к себе лицом.

– Тебе же сказано, – начал он.

– Погодь, – вмешался вышедший из леса второй бычила, отличавшийся от первого только ростом. – Это отшельника помощница. Он без нее никогда никого не лечит. И вообще, где-то я ее видел. Или не ее? – он, взявшись двумя пальцами за подбородок девушки, запрокинул ее лицо вверх. – Во! Вспомнил! Хотя нет... Не может быть... И вообще, та совсем дите была...

– А вот мы проверим, как они тут от зова плоти воздерживаются, – гнул свое первый.

– Урод! Если этот... без нее не лечит, а мы ее... Потом лучше самому быстренько удавиться. Пошли, проведем. Не нужна будет – другое дело.

– Чего лаешься? Я так... А на кого она похожа? – поинтересовался он, когда они втроем шли по дорожке.

– Это с год назад было. Даже меньше, – начал было высокий.

Но, вновь услышав крик боли, теперь уже близкий, девушка сама завизжала и помчалась бегом. Конвоирам не оставалось ничего другого. А в узких джинсах, враскоряку, да еще с отвычки, бег – дело нелегкое. У пещеры стояли двое из команды великана. Они вначале настороженно рассматривали бегущих, но, узнав в эскорте монашки местных братанов, успокоились. Даже расступились.

– Ну что там? – повернулся на шум шеф.

– Эта... девка... она всегда с ним... Он... без... нее...

не... лечит, — отдуваясь, объяснил высокий братан. — Вот... мы и... подумали.

— Что доставили — хвалю. Что «подумали» — скажу вашему. Может, у вас тут и такие заморочки. А я мыслителей не держу. Все. На свое место! Битый, а вы держите девку!

— Ну вот, — повернулся он к отшельнику.

И увидев скрытую раньше кровать, девушка вновь пронзительно закричала.

— Отвернись! Ради бога, отвернись, — прохрипел отшельник. — Не смотри! — он страшно напрягся, пытаясь отвернуться на бок.

— Это цветочки, святой отец. — прорычал шеф. — Подтащите девку сюда! Пусть посмотрит.

Но та закрыла в ужасе глаза.

— Заставить смотреть! Или нет! Вот что! Мы его заставим смотреть! Ну-ка, давайте ее вон туда, к стене! Снимай одежду! Держите! Ничего! Изящная штучка, — оценил он, но не хрупкое тельце девушки, а блеснувший на руке браслет. — Ну, — повернулся он к отшельнику. — Да перевяжите его пока! Если отдаст концы до того, как меня вылечит, — каждый на этой койке побывает! С каждым сделаю то же самое. Ну? — опять склонился он над отшельником. — Думай, пока мои ребята копошатся. Они и с ней начнут. Понял? Потом... И лучше не доводи меня до «потом». Ну? Лады. Тату, фас!

— Нет! — прохрипел отшельник. — То есть, да! Останови!

— Стоять, Тату!

Татуированный жлоб разочарованно вздохнул и отошел к стене.

– Чего они хотят? – подала голос девушка.

– Объясни, отче, только быстро.

– Они, то есть он...

– Дмитрий, для друзей Дима, – поклонился великан.

– Он хочет, чтобы его исцелили.

– Нет!

– Но, девочка моя...

– Нет!

– Ладно. С этими «нет» потом разберемся. Ты же своего решения не поменяешь? Давай, отец, начинай. Где там твоя святая вода? Ну-ка, вы двое, сюда. Будете отца держать, а то стоять он не сможет.

– Нет!

– Слышь, мужик, ты меня не зли. Что опять «нет»? Твоя сучка не согласна? Так мы сейчас продолжим. Тату, приготовься.

– Ее нельзя трогать! Это она, понимаешь – она! – закричал в отчаянии отшельник. – Она!!! И если кто ей сделает зло... Не знаю... Может, она больше никогда... И не заставишь!

– Так ты что же? – начал вкрадчивым тоном шеф, сев на кровать и приблизив свою морду к лицу Георгия. – Она, значит, лечит, а ты пенки снимаешь? И вместо того, чтобы уговаривать девушку, я тут с тобой, козлиная морда, битый час беседу веду? Это, значит, ты мне, мне! лапшу навешивал? –

Не сдержав своей ярости, он схватил стоявший рядом тот самый серебряный кувшин для святой воды и со всего размаху ударил им по голове несчастного отшельника.

— Со мной в такие игры давно не играют, — он кинул кувшин и повернулся к девушке.

— А с вами, мадемуазель, мы пока поговорим по-дружески... — здесь великан запнулся и потряс головой, отгоняя наваждение.

«Мадемуазель» в этот момент перепрыгнула через корчащегося на полу Тату и кинулась к отшельнику. На полу также лежали и два быка, раньше ее державшие. Эти, правда, были абсолютно неподвижными. Целительница склонилась над телом отшельника. На миг пещера осветилась от полыхнувшего над кроватью синим огнем шара. Но он почти сразу начал угасать.

— Все... все... — прошептала девушка. — Мозг... Если бы... Все! — крикнула она, вскакивая.

— Да, с ним все, — подтвердил босс, косясь на приспешников, тормозивших лежащих на полу товарищей. — Но он же сказал, что это ты можешь...

— Да! Я могу! — зловеще прошептала она. — Еще как могу!

— Взять ее! Наверное, тронулась!

— Да! Взять меня! Ну! Вот ты, — она показала на заляпанного кровью блондина с длинными, заплетенными в косичку волосами. — Ты палач, да?

— Рекомендую, — не понимая происходящего, держал тон

шеф.

– Ну, иди, возьми меня! Чего пятишься? Вот тебе, гад!

– Но вы переходите на оскорбления! – начал было шеф, но поперхнулся от дикого крика палача. Тот повалился на землю, и, продолжая кричать, засучил ногами, как ранее уже затихший Тату.

– Дима, а ты сам когда-нибудь испытывал боль? – поинтересовалась девушка.

– Я же сказал, взять ее! – вновь заревел шеф. Но теперь в реве слышался страх.

– Ну кто здесь еще берет? Ты? Ты? Ты? И ты тоже? – она показала пальцем на всех находившихся в пещере быков.

И все они молча повалились на пол. Только один успел отреагировать – выхватил пистолет и пальнул в девушку. Но и сам после выстрела стал оседать по стене.

– Ты не ответил, Дима, – повторила девушка вопрос. – Ты, такой большой, такой сильный, такой страшный, никогда не испытывал боли?

– Ты это брось. Ты... давай договоримся... Я же... – бормотал шеф, пятясь потихоньку к выходу. – У меня же онкология... Спасения искал... Столкнемся. Любые деньги... Или храм...

– Вижу, боли ты, Дима, и не знаешь.

– Ты, ведьма, знаешь! – закричал шеф, выхватывая пистолет и разряжая всю обойму в девушку.

Но увидев, как пули, пронзая тело, с визгом рикошетиру-

ют от стен, он кинул бесполезную «пушку» и рванул из пещеры. За шаг до выхода у него отказали ноги. Затем наступили сумерки. Потом пришла боль. Он еще слышал, как шелестела чем-то, наверное, одеваемой одеждой, ведьма, как прошла мимо него к выходу. Нестерпимая боль заставляла кричать. Но и кричать он не мог. Затем пришла тишина. И только боль терзала большое тело. И теперь, приходя иногда в сознание, он звал смерть, умолял ее прийти быстрее. Но она не спешила. Вместо нее вдруг появлялись те, кого убил он, кого замучили его подручные. И тогда приходила их боль. И библейский ад не мог сравниться с этим адом.

А мстительница, выйдя из пещеры, направилась назад по той же дорожке – к тому, кто ее «смутно помнил».

– Смотри! Отпустили! А я думал, этот крутой шеф их кончил. Что тогда за стрельба?

– Не наши дела. Отпустили, значит, не нужна. Ну что, подружка, теперь побалуемся, – схватил ее в охапку бычила.

– Некогда. А то я бы побаловалась! – возразила девушка, и бык, разжав объятия, упал.

– А ты, быстро, где и когда меня видел.

– Я... – запнулся второй, с ужасом глядя на своего брата. Тот тонко повизгивал, качаясь по траве и зажимая руками глаза. – Я же ничего... Это он, урод... Да вы же и слышали...

– Я не о том, говори, ну?

Но братан молчал, переводя взгляд то на коллегу по ре-

меслу, то на девушку. Наконец, облизнув пересохшие губы, он начал.

– Не вас, девушку одну, меня тогда Вованом звали...

Повествование заняло минут десять. И аккурат к окончанию его слов: «Я человек подневольный, я еще тогда за это и огреб по полной программе» – в лесу раздался свист.

– Шеф собирает. Что-то срочное... Так я пойду?

– Пошли.

– Но шеф будет недоволен.

– Это который Дима? Не переживай.

– Дима – приезжая штучка. Наш покруче будет. Это просто за их шефом много кого стоит.

– Ваш покруче? Пошли!

К их приходу местные уже вытащили из пещеры чужаков. Кровать с отшельником решили не трогать. Но наибольшее недоумение и ужас внушал приезжий шеф – обездвиженный, молчаливый, но с непередаваемыми гримасами боли на большой враз побледневшей морде с остекленевшими глазами навывкате.

– Ну и как это понимать? – задал главный вопрос шеф. – Кто? И за что? Ну с отшельником понятно... Падлы! Такого дохода лишили! А их кто? И где девка? Ага! Привел? А где Бычок?

– Там... Валяется, как этот, – кивнул в сторону Тату старый знакомый девушки, опасливо косясь на него.

– Сестрица, может, объяснишь, что произошло там, в пе-

щере? – поинтересовался местный авторитет.

– Они отшельника... пытали... Потом их шеф его убил.

– Это я догадался. А потом?

– Потом пришло возмездие.

– И это я понял. Ты скажи, кто? Ты понимаешь, что мне теперь за все это перед столицей отвечать? Кто?

– Она это, шеф, она! – закричал вдруг Вован.

– Ну и сдохни тогда, – почти равнодушно заявил шеф и так же, как шеф приезжий, сделал несколько выстрелов в девушку.

Только этот был профессионалом – послал пулю за пулей в ее голову. Тотчас закричали двое его подручных, стоявших позади, – из-за разницы в росте шеф стрелял в девушку сверху вниз, и пули попали им в живот и грудь.

– Сам сдохни, – прошипела девушка, и еще один шеф упал, все еще сжимая пистолет. – И ты не уйдешь, сдохнешь! – крикнула она вслед убегающему Вовану.

Упал и тот. Больше расправы чинить было не с кем. И до этого очумевшие от случившегося в пещере, от криков и стонов раненых, от бесславной смерти шефа, его подельники растворились в лесу. А ведьма села за руль одного из «хаммеров». Посидела в кожаном кресле. Затем включила музыку и немигающим взглядом уставилась на солнце. Потрясла головой, завела мотор оказавшимися в замке ключами.

– Ух ты! – восторженно ахнула она, когда на дисплее высветилась карта. – Значит, так. Я здесь. А это где? Это аж...

Ну ладно, поехали.

Через добрый час, выехав на трассу, она выдавила до упора педаль акселератора. Джип радостно взревел и рванулся вперед. Его никто не останавливал, – ни пассажиров, ни водителя за тонированными стеклами не было видно, а автомобиль и его номера были известны многим.

Руки и ноги двигались автоматически, как автоматически иногда вспоминаются навыки управления велосипедом.

И девушка не удивлялась, а, мчась по дороге, вспоминала, вспоминала, вспоминала...

– Все-все, дочушка. Все хорошо. Ну-ну, ачинайся, все хорошо, – добрые руки матери растирали с какой-то водкой кожу на висках, затем в нос ударил невыносимый запах нашатыря, и Алёна окончательно пришла в себя.

Она лежала дома, на диване в зале. Яркие лучи солнца пробивались сквозь занавески, давая понять, что летний день в самом разгаре.

– Ну вот и молодец, дочечка. Вот и умничка.

– А почему я?..

– Ты главное, полежи и не волнуйся. Все хорошо.

– Что хорошо, мама?

– Все хорошо. И с Виталиком тоже.

– Тоже?

– Да. Ничего с ним не случилось. Совсем ничего. Сейчас уже с Васей на речку пошли.

– Мама, что случилось? Что со мной?

– Да ничего. Сомлела с испугу.

– Но расскажите, мама.

– Ты лежи-лежи. Доктор скоро приедет. Ты что же, совсем ничего не помнишь? Как на Виталика машина?..

– Нет... нет. Сегодня... нет, вчера помню, до самого вечера помню. Грибы собирали с утра. Потом картошку положили... вечером в клуб ходила. А сегодня... Mamochka, родненькая, что со мной?

– Да не пугайся ты. Ничего такого страшного. Вы днем из лесу пришли, мы с тобой грибами занимались, а Виталик на улице бегал. Потом машина приехала к соседям. Комбикорм привезли. А когда шофер уезжать собрался, то не посмотрел, что Виталик под колеса за Анфиской полез. Мы то с тобой на скамейке сидели, ты увидела, ну и сомлела. Я повернулась, когда машина уже проехала. Нет-нет, дочушка, все хорошо. Колеса мимо проехали. Все целы – и Виталик, и кошка, и шофер. Ну, шоферу я добре дала. Правда, и сами виноваты, недоглядели. А так все добре. Вспомнила?

– Нет, мама... Хотя, вот лес и грибы помню. На скамейке сидим – помню. Ты мне еще про бабушку рассказывала, как она грибы чуяла, да?

– Правда, доченька.

– А вот дальше не помню.

– Ну, ничего. Не страшно. Говорят, бывает. Сейчас доктор приедет, посмотрит. Вон и приехали.

В это же время тот самый незадачливый водитель уже в

гараже дрожащими руками разливал в стаканы дешевое вино.

– Ты же знаешь, Микола, я это дело за рулем – ни-ни. А тут... Я, понимаешь, дитя переехал! Да че ты, если бы на су-рьез, я бы сейчас здесь с тобой... Это, оказывается, почудилось мне. Привез я комбикорм, разгрузили... Я отъезжать, а сзади – крик женский. И задний мост так рывком приподнялся. Ну все, думаю. Я же видел, что рядом малые игрались. Но с мамкой же! Вот и... Остановил машину, выскочил, а сам под колеса и заглянуть боюсь. Потом вижу – малой жив-здорю у мамки своей на руках. А девчонка старшая – на ла-ве без чувств. Ну я и подумал, что ее. Нет, оказалось, сомле-ла от страха за малого. В общем, никого не переехал и не зацепил. Померещилось? Может... Только знаешь... Давай выпьем и доскажу. Так вот... Там у них возле ворот глина. Следы от колес видны. И как заезжал, и как отъезжал. Это вам кажется, что одна колея. А водила – он увидит. И вот что я тебе скажу – нет там в одном месте следа на метра три, будто подняли машину и перенесли. Вот это я и почувство-вал тогда. Инопланетяне, говоришь? Я вот так и думал, что все будут, как ты: «Гы-гы». Лучше уж молчать. Давай-ка еще одну!

Докторша была не то чтобы злая, а какая-то неприветли-вая. Проведя традиционный осмотр с обычными вопросами, она тут же заявила, что девочку они забирают для более тща-

тельного обследования.

– Может, как вы говорите, от страха за братика, а может, и нет. Возраст такой, что... Ну, сами понимаете.

– Ой, что вы, а как тут они без меня? – испугалась девушка.

– Я думаю, справятся, – улыбнулась-таки врачиха. – Да и не будем мы долго тебя там держать, если все нормально.

Встревоженная мать наскоро собрала немудреную поклажу, и санитарная машина направилась в районную больницу.

– Устроишься, позвонишь. Привезем, если что понадобится.

Братья и отец еще не вернулись, и Алёна попрощалась с соседскими бабусями, подтянувшимися на такое событие. С заднего сиденья «козлика» девушка рассеянно рассматривала обступавший дорогу лес. В районной больнице ей лежать не приходилось. Да и вообще лечиться – Бог миловал. И вот теперь... Чего она так сомлела?

– Абсолютно здоровая девочка... И чего вы ее привезли? Если нервное истощение – полежала бы дома.

– Но Сергей Сергеевич! Селяне. Лето. Где она там полежит? Не хотела ехать: «Как они тут без меня!» – повторила заступница. – А скоро уборка, школа, заготовки. И нет сейчас у нас запарки. Давайте обследуем?

– Хорошо. Полное обследование, общеукрепляющее... ну, вы знаете сами.

– Ну вот, недельку побудешь здесь, врачи тебя посмотрят

хорошенько, чтобы больше в обморок не бухалась, – сообщила врачиха девочке, испуганно сидевшей на краешке койки. – А то будешь с кавалером танцевать – и бух в обморок! – решила растормошить шуткой она новую пациентку.

– Ой, что вы такое говорите, – засмущалась Алёна. – Какие там кавалеры!

– Ну-ну, тебе уже скоро пятнадцать?

– Скоро, – вздохнула девушка.

– Чего же вздыхаешь?

– Так...

– Ты, главное, не теряйся. Это твоя кровать, это твоя тумбочка. Санитарки все расскажут и покажут. Здесь, кроме тебя, две больные, сейчас они на процедурах. Так что держи хвост пистолетом. Если что, спрашивай меня. Я твой лечащий врач, зовут меня Вера Ивановна. Ну, не теряйся.

«Ей хорошо так советовать. Врач. В городе живет. Училась где-нибудь в областном центре. А человек, может, из деревни, только на экскурсии с классом выезжал да по телевизору другую жизнь и видел», – вздыхала девушка, раскладывая в тумбочке свои нехитрые пожитки.

Затем, внимательно взглянув на больничный халат, вздохнула. И зачем забрали ее одежду? А теперь в трико ходить перед незнакомыми людьми. Алёна еще раз вздохнула, вспомнив, как смущалась она на уроках физкультуры под взглядами одноклассников. Еще год-два назад ничего не было видно, а теперь... Нет, уж лучше в халате. Она вышла

в длинный, пустынный сейчас коридор. С удивлением рассмотрела роспись на стене – какой-то пейзаж древнегреческого острова, с колоннами, берегом, кораблями и морем. Посидела в вытертом мягком кресле. Уже начала было скучать, но тут разъехались в стороны железные двери и из кабинки лифта санитарка вывезла кресло-каталку с довольно древней старушкой.

– Давайте, я помогу, – метнулась к санитарке Алёна.

Вместе они благополучно вытянули кресло и покатали по коридору в дальнюю палату. Там девушка помогла санитарке переложить больную с кресла в кровать.

– Спасибо, внученька, – задыхаясь, просипела старуха. – Чую, доброе у тебя сердечко. Зайдешь ко мне попозже, когда отдохну, хорошо?

– Ты обязательно к ней зайди, – посоветовала санитарка. – Это бабка особенная. Дар у нее – насквозь людей видит. Чем-то ты ей показалась. Новенькая? Из четвертой? Ну, палата хорошая. И врач хорошая. Только с виду строгая. И в отделении у вас сейчас тихо. А там, в шестой взрослой – все тяжелые. Запаришься их обслуживать.

– Я буду помогать, если хотите. Что тут без дела сидеть...

– Лежать, девонька, лежать. Сидят, знаешь где? Ну, если самой в охотку... Тебя как зовут? Алёнка? Красивое имя. Я тоже хотела дочку или Алесей или Алёной назвать. Не получилось, – вздохнула санитарка.

– Почему?

– Не родила девочку. Трех балбесов родила на свою голову, а девочки нет. Меня Марией Петровной зовут. А ты можешь меня называть тетей Марией или Петровной. Ну, хорошо, обед сейчас. Лежачим разнесу, потом покажу, где какие врачи. Ты пока тоже иди перекуси.

– А можно, помогу?

– Не сидится? Хорошо, давай вместе.

Так с первого же дня Алёна взялась за дело. Спокойная и участливая, преисполненная уважения к старшим, она так естественно ухаживала за лежачими больными, словно это было ее прямыми обязанностями.

В этот же вечер, уже после окончания процедур, Алёна заглянула к странной старухе.

– Садись, садись, внучечка. Дай налюбуюсь на тебя, – засипела больная. – Как лучик ты. Блеснет, согреет – и нет его. Скрылся за тучкой и ждешь следующего... У меня доченька была таким же лучиком. Блеснула – и все.

– А что «все», бабушка?

– Можешь называть меня Даниловной. Что случилось? Да ты садись. История долгая, вот и остальные послушают. Правда, бабоньки?

Три соседки согласно закивали головами, одна осталась лежать неподвижно с закрытыми глазами.

– Плохо ей. Но мы ей не помешаем. А твои соседки как?

– К ним там родственники пришли.

– Значит, и тебе торопиться некуда. Так вот что случи-

лось. Мы, Ростовы, – нездешние, мы из тех самых, ну что в «Войне и мире». Не читала еще?

– Нет, фильм видела.

– Фильм. Книжки читать надо. Хотя, может, и рано. Ну, неважно. В общем, прибило предков сюда. Уже давно, правда. Еще до войны. А в войну как ушли они в леса, так и возвращаться не пожелали. Жили себе и жили. Потом «единоличников» раскулачивать пришли. Раскулачили – травы лечебные позабирали, дичь засоленную, да другие соленья разные. И хозяина забрали. Это отца моего. А мать уже на сносях была. Вот родила меня, и остались мы одни жить-поживать в лесу. Лес, он, знаешь, и прокормит, и обогреет. Надо только с ним дружить...

Разговор был прерван диким криком. Неподвижно лежавшая женщина вдруг забилась в конвульсиях. Ее било так сильно, что еще до того как к ней подбежала Алёна, несчастная упала с кровати.

– Держи, держи ее. И язык, язык вытяни, не дай задохнуться, – заверещали соседки. Одна кинулась за врачами.

Алёна не стала хватать эпилептичку за язык. Положив руки на виски больной, она мягко погладила ладошками мокрую от пота кожу и стала уговаривать успокоиться, как уговаривают плачущего по ночам грудного ребенка.

– Ну не надо, ну не больно. Сейчас пройдет. Уже проходит. Уже прошло, правда? Вот-вот-вот, проходит-проходит-проходит. Прошло-прошло-прошло. Все. Давайте в кро-

ватку. Вот та-а-ак. Теперь на бочок и спатиньки. Баю-баюшки-баю.

Девушка успела еще укрыть уснувшую женщину и вернуться на стул рядом с Ростовой, когда в палату ворвались дежурная медсестра и санитарка Петровна.

– Где?!! – автоматически спросила медсестра, рассматривая кровать с мирно спящей пациенткой. – То есть, что здесь?

– Какой-то небольшой приступ, уже прошел. Теперь спит, – ответила старуха Ростова.

– Точно спит? – подошла поближе медсестра.

– Спит, спит. Будить не надо. Пусть отдыхает.

Старой больной почему-то верили, и успокоенный медперсонал направился по своим местам дежурства.

– Ловко у тебя получилось. Давно практикуешься? – поинтересовалась одна из соседок Ростовой.

– Ой, что вы! Не практикуюсь я. Просто так получилось. Жалко стало.

– А «жалко стало» в первый раз? – поинтересовалась уже Ростова.

– Нет... Даниловна. Я вот братика жалею, когда он заболит или где порежется. Зверюшек всех жалею. Они, когда болеют, сами приходят.

– Куда это приходят?

– В лесу одно место есть. Любимое. Я там люблю, когда время есть, посидеть, деревья подслушать.

– Подслушать? – удивилась еще одна женщина.

– Ну да! Они между собой разговаривают, только надо слышать. Вот, а зверюшки пронюхали и приходят. Кто в капкан залезет, кто подерется – они же, как дети малые! А кого и охотник или другой зверюга покалечит. А пожалеешь их, им и полегчает!

– А ты бы меня «пожалела», а, девонька? Нет уже мочи терпеть. Как нахлынет эта проклятая головная боль, хоть твоим зверюшкой вой, – с горечью предложила бледная женщина с кровати у окна. – Зверюшки они что – не понимают. А тут знаешь, что это опять вернется. И опять. И все сильнее и сильнее. Пока не сдохнешь. Если раньше с ума не сойдешь. А дети еще малые. Пугать нельзя. Уйдешь за сарай и воешь там потихоньку.

Глаза впечатлительной Алёнки наполнились слезами. Она легким ветерком метнулась к кровати женщины и вмиг обняла ее голову.

– Бедная вы бедная, – плача, гладила она выбритую голову женщины. – А такая прическа зачем? – некстати поинтересовалась она.

– «Прическа», – фыркнула стриженная. – К операции готовят.

– Ничего-ничего-ничего, – начала гладить лысую голову девушка. – Пройдет-пройдет-пройдет, – привычно затараторила она.

– Если ты хочешь, как у Степановны, то не получится, –

подхватила была женщина, но тут же опустилась на койку.

– Бедненькая, – все еще плача, повторяла девушка, легко касаясь длинными пальчиками висков женщины. – Здесь болело. И здесь. И здесь. Ничего-ничего-ничего. Пройдет-пройдет-пройдет. Пospите-пospите-пospите.

Когда женщина у окна сонно засопела, Алёна, вытирая слезы, вернулась к собеседнице.

– Извините, мы тут все время вас перебиваем. Но так получается само... Рассказывайте, пожалуйста, дальше.

– Нет, внучечка. Поздно уже. И знаешь... горло у меня болит. Слышишь, как я разговариваю. Ты бы немножко его полечила, а?

– Но я не умею...

– А ты, как им, руку положи.

– Не знаю... Я же не специально...

– Ну, не знаешь, так и не знаешь, – просипела старуха.

– Нет, вы не обижайтесь. Я ведь не лечу. Ну, когда больно очень всяким зверюшкам, я вижу, чувствую. Вот и родных чувствую.

– Дай руку. Положи сюда. Чувствуешь? Я с этой болью уже несколько лет. Просто притерпелась.

И Алёна почувствовала. Боль была острой, пронизывающей насквозь ее тело. И она, уже молча вытирая слезы, пыталась унять ее.

– За раз не справишься. Если вообще можешь, – успокоила старуха Алёну. – Ладно, дорогая. Иди спать. Ты очень

устала, правда?

Алёна согласилась, что это правда, вдруг стали слипаться глаза. Быстренько попрощавшись, она добралась до своей палаты и, прикоснувшись щекой к подушке, тут же уснула.

А в палате Даниловны две бодрствующие соседки приставали к ней, требуя объяснений.

– Вот что я вам скажу, девоньки... Только т-с-с-с, молчок. Подойдите-ка сюда, ко мне. Слушайте. Н-и-ч-е-г-о не было. Вы спали. И спите. Спать, спать.

– Вот так. Забот девоньке меньше, – пробормотала Ростова, когда любопытные больные добрались до коек и тут же начали похрапывать.

Затем старая женщина впервые за долгое время самостоятельно встала, опираясь на стену и хватаясь за койки, добрела до окна и, глядя на «обрезанную» луну, ласково улыбнулась и что-то зашептала. То ли луне, то ли звездам, то ли Богу...

Алёна проснулась, как дома, то есть с петухами. Нерасстраченная на домашние хлопоты энергия требовала выхода, и девушка направилась к дежурной сестре получить задание на утро.

– Вначале позанимайся собой, а потом, после обхода, придумаем тебе занятие, – улыбаясь, посоветовала дежурная.

Признав правоту этих слов и покраснев от того, что медсестра может заподозрить ее в нечистоплотности, Алёна тут же занялась утренней гигиеной. Затем заглянула в отделе-

ние к взрослым – провести Даниловну и других несчастных больных.

– Ты сможешь мне пройтись, – попросила после приветствий Даниловна. – Только тихонько, пока они все спят.

– Вот что, девонька, ты о том, что вчера этих двух... ну, пожалела, никому не говори, – предложила старуха, опираясь на плечо помощницы и довольно бойко выбираясь в коридор.

– А что, что-то плохое случилось? – испугалась Алёна.

– Нет, не бойся. Все хорошо. Думаю, даже очень. Но давай подождем, посмотрим. А то знаю я этих женщин. Пристанут к тебе, душу вытянут. И с прыщом, и с зубом, и другими мелочами. А тебе твой дар на мелочи растрачивать нельзя.

– О чем таком вы говорите? – озадачилась девушка.

– Я тебе расскажу. Много чего. Поймешь. А пока поверь. Хорошо?

– Конечно, я и не собиралась ничего такого рассказывать. А вы вот вчера только начали...

– Вечером. Думаю, что эта наша Степановна нам не помешает. Может, ты ее заранее успокоишь?

– Не знаю, никогда не пробовала заранее...

Беседу прервал вошедший в отделение врач.

– Ого! Даниловна! Что это значит? – изумился он, увидев передвигающуюся на своих ногах старуху. – Коляска сломалась? – высказал он догадку.

– Нет. Просто на поправку пошла. Раздумала я помирать.

– Молодец, Даниловна. Только не усердствуй. А ты, девочка, не потакай ей.

– Нет, что вы! – искренне заверила девушка врача. Она остановилась и смотрела ему вслед, пока тот не вошел в ординаторскую.

– Кто это? – поинтересовалась она на обратном пути.

– Хирург наш. Талант. Золотые руки у мальчика. И душа тоже.

– У мальчика, скажете тоже, – фыркнула Алёна.

– Конечно, Алёнушка! Ему-то двадцать пять всего.

– Ого! А вы говорите «мальчик».

– Ладно, внучечка, не будем спорить. Для меня он мальчик, для тебя – дяденька, а для обоих и остальных больных – Андрей Андреевич. Вот и прогулялись. И видишь – уже товарки мои проснулись. Как самочувствие, девчата? Вижу, что хорошо. А я вот решила пройтись, аппетит нагулять.

– Ты, Даниловна, сегодня и говоришь по-другому – голос прорезался.

– Сдается мне, что скоро многое будет по-другому. Спасибо, внучечка, иди к себе, а то обход скоро.

Так уж получилось, что с соседками по палате девушка познакомилась позже, чем с больными палаты Даниловны. Две девочки-одногодки попали сюда с одной и той же напастью – падучей. Как и Алёну, их тяготило нахождение здесь. Но еще больше их угнетала сама болезнь. Они и раньше подсознательно чувствовали себя изгоями, а сейчас, в возрасте

первой любви, ну, первой влюбленности, когда кавалеры обходили их стороной, это чувствовалось особенно остро. И во время обхода они были хмурыми, неразговорчивыми, отвечали на вопросы уже знакомой Алёне Веры Ивановны односложно.

– Ну а ты, птаха, как? Наверное, освоилась уже? – обратилась к ней врачиха.

– Да, спасибо, все хорошо.

– Извини, но у нас с тобой маленькое... недоразумение. Где-то пропали твои анализы крови. Придется сдавать еще раз.

– Ничего, я щедрая.

– Это как?

– Ну, медсестра этой иголкой уколола, а кровь как брызнет! Я даже расстроилась – ей и на халат, и на лицо попало. А она ничего, только улыбалась, когда вытирала. «Какая ты щедрая», – говорит. Ничего, я сдам.

– Вот и договорились. Ну хорошо, девочки. Выздоровливайте.

– «Выздоровливайте», – фыркнула ей вслед Алёнина соседка – Тома, полненькая, крепко сбитая малышка. – Знает, что врет, и не краснеет.

– Почему врет? – изумилась Алёна.

– Ты не знаешь? – заговорила вторая «сопалатница» – Светлана. – Ведь наша болезнь не лечится. Мы же читать умеем. Это или проходит, или не проходит. А врачи здесь –

постольку поскольку. У тебя это давно?

– Что «это»?

– Ну, приступы.

– Нет. Не было. Вот позавчера в обморок упала – и все.

– Значит, только проявилось. Плохо.

На дальнейшие расспросы девушки решили не отвечать.

– У Веры расспросишь, она и расскажет. А может, у тебя что другое.

Не добившись правды, Алёна решила навеститься к Даниловне.

Обход сегодня у взрослых проводил тот самый хирург Андрей Андреевич. Заставшая его девушка так непосредственно и восторженно рассматривала врача, что тот ее не выгнал, но вдруг засмутился и быстро закончил осмотр в палате.

– А, что понимает! Ему бы вырезать чего кусок, – разозлилась третья, неразговорчивая соседка Даниловны.

– Ну что вы! Говорят, будущее светило. Его уже в область приглашали, а он все здесь практику нарабатывает.

– Вот пусть и нарабатывает, а не лезет, куда не знает! Хирург! У меня и сахар, и давление, и черт знает что! Мне рожать нельзя из-за всего этого. А детей нет!

Алёна во все глаза смотрела на желающую родить «старуху».

– Мне тридцать два уже, еще год, два, ну три, и все!

– А что же вы... или все время болеете? – участливо поинтересовалась одна из соседок.

– Да нет. Была у меня девочка. В пятый класс уже ходила... Ты, Алёнушка, выйди из палаты. Не для детей это.

Девушка вышла и, краснея, тут же приникла ухом к двери. Потом нашла закуток в нише с телевизором, где сидела и плакала, пока не пришло время помогать разносить завтрак, а затем помогала убирать и водить больных на процедуры, получила свою порцию уколов. Увидев хлопотливую девушку во взрослом отделении, ее вызвал к себе хирург.

– Больным нужен отдых и покой, а ты все время в движении, в каких-то заботах. Тебя что, так наш медперсонал напуг?

– Ой, что вы! – всплеснула руками Алёна. – Это я сама.

Андрей с улыбкой рассматривал пациентку. Худенькая до хрупкости, но в то же время крепенькая, видно, приученная к физическому труду. Большие темно-голубые глаза. Пухлая великоватая для узенького личика верхняя губа создавала впечатление, что девушка улыбается. Что тут же вызывало ответную улыбку. Еще природа наградила девочку удивительно пышными русыми волосами. «Красавицей вырастет. Уже сейчас симпатичная, а через годика два, когда расцветет...»

– Скажите, а вот операции делать... вам не страшно? – с искренней непосредственностью прервала его размышления больная.

– Операции? Нет... А почему мне должно быть страшно?

– Ну, вдруг что не так пойдет? Вдруг не получится?

– Ах в этом плане? Знаешь... Алёна, вначале было страшно. Очень. Теперь руки не дрожат, а все равно перед каждой операцией волнуюсь. Умничка, правильно угадала.

– Не угадывала. Просто увидела на обходе.

– Что-что ты увидела? – даже подался через стол молодой хирург.

– Человек вы очень хороший. Вокруг вас, как это правильно, аура аж светится. Я таких мало видела...

– Спасибо за комплимент, – засмутился врач, – но у нас здесь вот так... подхваливать нельзя. И все равно постарайся меньше суетиться и больше отдыхать. Узнает наше руководство... Я еще с Верой Ивановной переговорю.

– А скажите, у этой нашей... ну, из палаты Даниловны. У которой дочку... Она, что, и вправду из-за болезни не сможет никого родить?

– Родить, Алёнушка, родить, – поправил Андрей. – Видимо, да. Мы здесь как будто берем анализы, проводим какое-то лечение, потом в область отправляем, а затем – в республику. Может, пока выявим окончательный диагноз, другая рана зарубцуется. Но это между нами, да?

– Да. А можно мне к вам на операцию?

– Не боишься? У нас многие ребята в обморок падали. А ты, вот, – он показал на записи в истории болезни, – получается и без этого можешь сознание потерять.

– Да не боюсь я!

– Ну, посмотрим, как себя будешь вести!

– Ух как буду!

– Да шучу я, девочка, шучу. Конечно, нельзя. Как ты должна понимать, не детское это дело.

В коридоре ее ждала Даниловна, которая уже могла передвигаться хоть и медленно, но без помощников.

– Что хотел Андрей? – поинтересовалась старуха.

Она внимательно выслушала краткое изложение беседы.

– Я ему покажу «не детское дело»! – пообещала девушка.

– Ну, не хорохорься. А про нашу палату ничего не спрашивал?

– Нет... Совсем нет, – вспоминала Алёна.

– Ну и хорошо. Давай вот что. Пропустим наших врачей, а потом ты выведешь меня во двор. Лучше, пока еще, выведешь, а там уже и погуляем.

В лаборатории девушку встретили не приветливо, хотя она и не была виновата в случившемся. Впервые за длительный период существования этого подразделения районной больницы пропали анализы крови. Не исписанный листок, а сама кровь. И даже не пробирки с кровью, нет. Они стояли в контейнере, как положено, подписанные. Но без крови. Что бы это значило и в чем тут суть чьего-то злодейского умысла, понять не могли. Ну не выпивали девчата так много, чтобы забыть взять у больной кровь и запечатать пустые пробирки. В конце концов, на происшедшее махнули рукой и решили взять анализ повторно.

После обеда, до наступления тихого часа, Алёна вывезла

Даниловну на двор. Они посидели на скамейке, наслаждаясь теплом и свежим воздухом.

– Как у меня в лесу сейчас хорошо, – вздохнула старуха.

– У нас в деревне тоже, и в лесу, согласна. У меня на полянке сейчас, наверное, мои знакомцы удивляются, почему не прихожу. Я ведь стараюсь почаще. Если нет больных, то долго не засиживаюсь, принесу какого-нибудь гостинца – и назад. Это когда мама в грибы отпускает, то корзинку быстро наберу, а потом и побыть с ними можно.

– Любишь зверей?

– Ужасно! То есть очень. Всяких. И знаете, они на этой полянке, вроде как договорились. Никто ни за кем не гоняется, никто никого не хочет съесть. Однажды сижу, балуюсь с детками ихними, вдруг бельчата по дереву шусь – и нет их. А остальные, которые по деревьям не лазят, за мою спину спрятались. Смотрю, а из кустов, которые возле поляны, вышел волк. Здоровый, и такой, аж с сединой. Матерый, да? Вышел и на меня смотрит. А я аж обмерла. А он посмотрел, посмотрел, потом лег и на меня опять смотрит. Я поднялась, глядь, а у волчины на задней лапе здоровенный капканище. Я таких и не видела. Подошла поближе. Он смотрит мне прямо в глаза, они карие и такие... ну, несчастные что ли. Больно ему, а пожалиться не может. Гордый. Я присела прямо возле него, капкан разглядываю, а он так отвернулся, как ему ничего и не надо, а я, если очень хочу, то могу ему помочь. Гордый! Я к лапе только притронулась, а у него аж

дрожь по коже, так больно. Но терпит. «Нет, думаю, так не пойдет, надо боль убирать». Это когда кому очень больно, я забираю боль в себя. Она через меня уходит. Правда, терпеть надо. Но я терпеливая. Вот положила я руки на лапу, а боль такая, что аж зажмурилась. Ведомо дело, кость раздроблена и гной – по всей лапе. Но сижу, терплю, плачу тихонько. Так терпеть легче, когда плачешь. А волк, как все понял – повернулся ко мне мордой и прямо в глаза по слезам и лизнул. Ну, потом нашла я ветку потолще, разжала эти железки, высвободила лапу, перевязала. Я с собой обязательно бинта хоть немного беру. мама ругается, но ведь у этих зверюшек обязательно что-нибудь случается. Вот... А потом ему говорю: «Одним разом не обойдешься. Тут надо недельку полечиться. Ты лапу свою пока сильно не загружай и приходи завтра. Только чур, на полянке никого не трогать. Уговор?» Он, конечно, ничего не ответил, ушел, даже хвостом не помахал типа «спасибо». А на завтра пришел. И послезавтра тоже. За неделю вылечила. И понимал. Когда я им занималась, эти мои зайчата к нему чуть не вплотную подбирались. Любопытные. А он только покосится на эту мелюзгу и отворачивается. Ах, какой он красивый, когда здоровый. Пришел прощаться, здоровый такой, уши торчком, голову держит важно. Но когда я его обняла на прощанье, опять меня, как наш Дружок, лизнул и сник.

– Ты очень любишь зверей, девонька. А людей?

– Людей я тоже люблю. Но их есть кому лечить. А вот

вырасту, хочу их лечить. Врачом стану.

– Но ты уже их можешь лечить? Правда? Правда!

Алёна хотела что-то ответить, но встретила взгляд бездонно-черных глаз старухи и осеклась.

– Ты будешь! Сможешь лечить людей, внучечка, уже сейчас. А я тебе помогу. Ведь люди все-таки лучше зверей. Хотя в каждом из них и сидит какая-то зверюшка. Они очень разные, люди-то, но в большинстве своем хорошие, правда?

– Не знаю... наверное. Но я все равно не так их люблю. Нет, маму, братиков, отца, конечно... А других...

– У тебя все впереди, Алёнушка. Встретишься ты и с любовью, и с добротой, и с предательством, и с подлостью людской. Чувствую. И я много смогу тебе подсказать. Вот, скажи, что бы ты сделала с тем, кто твоих зверюшек калечит?

– Я... Не знаю...

– А вот ты слышала историю про дочку моей соседки. Слышала, слышала, не красней. Что бы ты сделала с тем убийцей?

– Убила бы!

– Как?

– А вот так! – взглянула девушка на давно надоедавшую муху и та вдруг обуглилась.

– Bravo, внученька! Именно так! И ты давно... практикуешься?

– Нет, что вы, нет! Я дома даже крыс и комаров просто повыгоняла. Как будто им у нас... ну, страшно, что ли. А это

я вот... впервые... Со зла на того убийцу.

– Все правильно. Но только человек – не муха какая. Уж очень надо быть злой, чтобы человека... Моя доченька только два раза... Но об этом когда-нибудь потом. В тебе, Алёнушка, сейчас просыпаются неведомые силы. Ты сможешь и исцелять, и убивать. Но убивать и сейчас могут многие... Дай-то Бог, чтобы ты стала целительницей, а не воительницей.

– Я и не хочу никого убивать. Я даже мяса не ем, потому что это – убитые животные. Я буду исцелять!

– Дай-то Бог, внученька, дай-то Бог. Но идем. Пора.

Девушек в палате уже сморило сном. Вспомнив слова Даниловны о зверюшках в людях, Алёна повнимательней приоткрыла глаза к соседкам. Действительно, рыженькая востроносенькая Светлана была похожа на лисенка, а толстененькая Тома – на маленького сурка. «Буду пробовать исцелять», – решила девушка и присела вначале возле «лисиčky»...

Глава 3

– Умаялась, помощница. Но все равно будить надо. Просыпайся, девочка. Вечерние процедуры, ужин. Потом доспишь, ночью.

Добрый голос санитарки вернул Алёну к действительности. Но сразу встать она не смогла, приподнялась и тут же вновь откинулась на подушку.

– Да что же это с тобой, милочка моя? На тебе лица нет! И бледненькая какая! Плохо тебе? Побегу за врачом! – и не слушая возражений, испуганная тетя Мария кинулась в ординаторскую.

Веру Ивановну уже сменил Карл Петрович (больные дети называли его Карапетом). Низенький, рано лысеющий и обостренно болезненно к этому относящийся, желчный с персоналом и неразговорчивый с больными, его держали в больнице, считаясь с его профессионализмом. Быстро послушав девушку и измерив ей давление, он буркнул: «Истощение» – и, обратившись к санитарке, добавил:

– Мне говорила Тимошенко, что к нам о-о-очень трудолюбивая девушка поступила. Запомните – она больная. Если увижу ее работающей за вас – накажу. Обоих. Полюбуйтесь на результат! Немедленно капельницу, – это он сказал уже медсестре, когда санитарка выскочила прочь.

– А ты, девушка, запомни. Ты здесь лечишься. Будешь

маяться дурью – поставлю вопрос о выписке. – Увидев в васьковых глазах слезы незаслуженной обиды, он вдруг, впервые за многие годы, дрогнул и виновато-сдавленным тоном пояснил: – В твоих же интересах. Разве можно вот так доводить себя? Школа скоро, быстренько поправляться надо, сил набираться, а ты вместо этого что с собой делаешь?

Дождавшись капельницы и предписав персоналу немедленно сообщить ему, «если что», Карапет быстрым шагом направился в ординаторскую, где решил посмотреть тоненькую пока историю болезни новой пациентки.

А к девушке, пыхтя и отдуваясь, уже прибыла Даниловна.

– Что, внучечка, так вдруг?

– Ай, не вдруг это. Я попробовала после нашего разговора. Вы только не говорите им, – понизила голос Алёна. – Вот много сил и ушло. У меня такое бывало, но не так. Просто голова кружилась, когда сильно, ну... много... занимаешься, – подыскивала слова девушка. Ну, как с тем волком. Тогда тоже кружилась. Потом проходит. Надо только...

– К солнышку? А луну не пробовала?

– Не-е. Я ведь ночью не занимаюсь этим. Разве когда братика от зубной боли какой. А потом ночь поспишь – и все проходит. А тут нет. И вообще все как-то странно...

– Выйдем, расскажешь.

– Врач строгий. Наверное, не даст и встать.

– Карлуша? Ты лежи, пока не докапает, а я скоро приду.

– Ишь, как Даниловна с тобой носится! Почему?

– Не знаю. Я ей помогла... ходить. А ты ее знаешь?

– Здесь рассказали. Знаменитость районного масштаба, – иронически ухмыльнулась Светлана-лисичка. – Она у нас местный Касьян, повставляла в свое время диски всем страждущим. В том числе и врачам, и начальству. Говорят, некоторые даже из столицы специально приезжали. Теперь вот сама лечится. Но наши костоломы ее уважают.

– Почему костоломы?

– Ай, что они могут!

– Зачем ты так. Вот ты же и Тома вылечилась.

– Я? Мы? Вылечилась? Да с чего ты взяла? Тамара, ты слышала этот бред?

– Не бред! У вас больше никогда не будет этих приступов. Никогда!

– Нашла чем шутить! Если бы не эта капельница, я бы тебе...

– Постой-постой, – более рассудительная толстушка присела на край Алёниной койки.

– Алёна, ты что такое говоришь? Если не прикалываешься, то откуда узнала?

– Мне Даниловна по секрету сказала. А она видит, – соврала девушка. – Только она не хочет, чтобы к ней приставали. А я вот, проболталась.

– Дай Бог, если правда. Дай Бог! – вздохнула Тамара. – Ну, недолго и ждать-то, – добавила она.

Товарки по несчастью переглянулись. Они знали, что

вскоре каждую из них должно «хватануть». Вот только когда?

– А я сейчас же и проверю, – решила Светлана. – Меня все время хватает, когда я слушаю мэтал. Мне запрещают, но одна кассетка есть. – Она достала плеер, подготовила и посмотрела на Алёну.

– Вот капельница кончится и испытаем, а? Чтобы, если неправда, помогала.

Когда процедура закончилась и девчата опять остались одни, Светлана решила. Некоторое время она настороженно прислушивалась к себе. От ожидания приступа ее бледное лицо напряглось, еще больше побледнели и поджались губы, поперек лобика, прикрытого рыжей челкой, прорезалась складочка. Но ничего не происходило, и девушка вначале начала просто качаться в неслышимый соседкам такт музыки, затем вскочила с кровати и бросилась в танец. Это был какой-то немыслимый симбиоз возможных и невозможных телодвижений истосковавшейся по танцам девчонки. В конце концов Светлана, запыхавшись, рассмеялась и плашмя бухнулась на койку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.